

An artistic illustration of a young man and woman standing in a field of tall grass, holding hands and looking out at a vibrant sunset. The sky is filled with warm, golden light and scattered stars, creating a dreamy and romantic atmosphere. The couple is silhouetted against the bright sun, which is low on the horizon. The overall color palette is dominated by warm oranges, yellows, and blues.

Ярослава Лазарева

**Сонеты
любви**

Ярослава Лазарева

Сонеты любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73580443

SelfPub; 2026

Аннотация

«Моя любовь, который тесен мир, но в самый раз мой маленький сонет...», – именно так определяет Ярослава Лазарева волшебство этого вечного и непостижимого чувства. Любовь была, есть и будет, и на ней держится мир – звучит в каждом стихотворении этого сборника. И прекрасная, мощная энергия эмоций изливается на читателя, заставляет о многом задуматься, многое вспомнить, возможно, пережить заново давно забытые чувства.

В этом уникальность настоящей, искренней поэзии, созданной душой Творца, а не искусственным интеллектом.

Ярослава Лазарева

Сонеты любви

Сонеты к юноше

– 1 –

Когда твои глаза, любимый мой,
читая пробегут вот эти строки,
моя любовь вновь встретится с тобой,
и ты услышишь голос мой далекий.

Моя любовь в слова заключена,
но для нее сонеты – не темница.
Читаешь ты – она извлечена,
в твою влетает душу словно птица.

Прими ее, и сердце ей раскрой.
Любовь поэта – птица из вселенной.
Тебе наполнит душу красотой
поэзии высокой и нетленной.

Читай и перечитывай сонет.
Прими любовь. Ее прекрасней нет.

Любовью – за любовь? Нет! Я шучу.
Моя любовь не требует расплаты.
И для тебя я одного хочу:
чтоб ты был птицей, вольной и крылатой,
чтобы летел свободно и легко,
такой же юный, быстрый, бесшабашный,
чтобы парил над миром высоко,
и не тянул тебя вниз день вчерашний,

чтоб я любовью страстную своей,
тяжелой, словно прожитые годы,
не омрачала легкость юных дней,
не посягала на твою свободу

Любовью – за любовь? Не попрошу.
Свободен ты. Лети! Я не держу.

«Я твой должник», – сказал. И сам не знаешь,
зачем слова такие говоришь.
И грустно мне, что ты себя считаешь
обязанным и от любви бежишь.

Не бойся, я тебя не потревожу.
И все твои долги отдать легко.
Любовь меня лишь мучает и гложет.
А ты от этих мук так далеко!

Ты улыбнись мне. Большого не надо.
Твоя улыбка вмиг все возместит.
Она – душе бесценная награда.
Любовь тебе за это все простит.

Любимый! Я долги легко прощаю.
Твоей улыбкой все их возмещаю.

– 4 –

Ты думаешь, что это все игра,
и я играю в чувства как поэт,
и что остановится мне пора,
в душе моей любви давно уж нет.

Ты молод и неопытен. Прости,
что в заблуждение ввела тебя.
Я крест любви одна хочу нести.
Пусть давит этот груз лишь на меня.

Но ты все забавляешься. В игру
стихи вплетаешь, помня: я – поэт.
И кажется, от боли я умру,
но беззаботно рассмеюсь в ответ.

Ты молод и забаве рад любой.
Играешь ты. А я дарю – любовь.

– 5 –

Моя любовь в отчаяньи хитра.
Она невинной притворилась дружбой.
И о тебе, как нежная сестра,
заботится, становится вмиг нужной.

А для себя не просит ничего,
ведь дружба так чиста и бескорыстна.
По этому пути идет легко,
тебя завоевать надеясь быстро.

И ты сбит с толку. Дружбе этой рад.
Что происходит, ты не понимаешь.
Доверчив твой лучистый, юный взгляд,
ты душу мне спокойно раскрываешь.

Наивный! Ведь любовь моя умна,

за дружбу ловко спряталась она.

– 6 –

Твои капризы – юности издержки,
и мне смешно от детскости обид.
Но взгляд твой дерзкий, став смущенно нежным,
мне беспрестанно душу берedit.

Твои глаза имеют власть над нею.
Душа поэта – утренний цветок.
Без ласки солнца лепестки бледнеют,
без света глаз твоих в ней холодок.

Твоим капризам молча улыбаюсь.
Жесток ты как ребенок. Ну и пусть!
На колкости твои не обижаюсь.
Лишь взгляд свой опущу, чтоб спрятать грусть.

Моя любовь обидой не задета.
Но как болит душа! Душа поэта...

– 7 –

Вновь говоришь мне: «ты», не понимая,
что между нами сотни тысяч лет,

что я векам бесчисленным внимаю,
не человек, не женщина – поэт.

А ты котенком ласковым и милым
в тени резвишься, возле ног моих.
Я про себя скажу тебе: «Любимый...»
и напишу сонет про нас двоих.

Я подниму тебя к своей вершине,
поставлю рядом, вровень, на века.
Любимых судьбы авторы вершили,
твое бессмертие – моя строка.

Так будь со мной на «ты». Необходимо
мне иногда спускаться вниз, любимый.

– 8 –

Я уничтожу в доме зеркала.
Моя любовь – виновница обмана.
Она моей душе всегда лгала
о вечной юности. А та внимала.

Но что я вижу? Волосы седы,
от глаз отходят мелкие морщинки,
как явственные времени следы,

глаза влажны как тающие льдинки.

Стареет оболочка. Но душа
горит, как факел, яркою любовью.
И кажется, я так же хороша,
как в восемнадцать, если я с тобою.

Мой мальчик, я испытываю страх:
вдруг видишь ты меня лишь в зеркалах?

– 9 –

О, как хочу тебя нарисовать!
Но, не сумев, бросаю карандаш.
Слова – на помощь! Проще написать.
Но как портрет стихами передашь?

Что я скажу? Глаза твои ясны,
ресницы – крылья бабочек ночных,
улыбка – словно юный свет весны,
и шелка блеск в волне волос густых,

твой голос – бархат, чувственный как ночь,
и как красив твой юный гибкий стан!
Слова, слова.... Смогли вы мне помочь?
Твой облик на листе ясней не стал.

Фиаско потерпел в стихах поэт.
Ты совершенен – вот и весь портрет!

– 10 –

Сказал ты: «Сердце у меня свободно».
Спросил: «А ты? Ведь ты не влюблена?»
И сжала душу грусть рукой холодной -
не видишь ты, что я тобой больна.

И как актриса в новой сложной роли,
палитру чувств убрала я с лица.
И рассмеялась, скрыв гримасу боли,
решив идти в притворстве до конца.

Чтоб ты любви моей не испугался,
ее я скрою, как болезнь свою.
Хочу, чтоб ты при встречах улыбался,
не приближался к жгущему огню.

Незнание сейчас тебе полезней.
Пусть я одна сгорю в любви-болезни.

– 11 –

Моя любовь – как вечная луна.
Она, конечно, перемены знает:
то, круглая, сиянием полна,
то месяцем изогнутым мерцает,

то исчезает, будто бы совсем,
и темнота безлунная тревожит.
Но вот опять на небе бледный свет,
все ярче, все полнее, и все тот же.

И мир ночной затоплен серебром,
и свет плывет мерцающий и млечный.
Луна, преображая все кругом,
приходит и уходит бесконечно.

Знай, что любовь моя, как и луна -
всегда есть, даже если не видна.

– 12 –

Ты мне сказал: «Вот есть любовь к друзьям,
к родителям и к девушке, конечно.
Но как с тобою быть? Не знаю сам...
Тебе где место?» – ты спросил беспечно.

Простой вопрос. Но как непрост ответ!

Тебе сказала я: – Ты видишь небо?
А в небе облака, и солнца свет.
А вот и дождь! И гром играет где-то.

И где же место этому всему?
Твоя душа все это принимает.
Ты у грозы не спросишь, почему
она к тебе вдруг шквалом налетает.

А я – поэт. Я – мир и сонм стихий.
Твою заполню душу как стихи.

– 13 –

Я так с собой боролась, но устала.
И вновь проигран этот вечный бой.
Нельзя тебя любить! Я это знала.
Но, проиграв, опять полна тобой.

Люблю тебя. Поэту бесполезно
бороться со стихией ярких чувств.
Они всегда безмерны, словно бездна.
И я, закрыв глаза, в нее умчусь.

И пропаду бесследно в бездне звездной.
Моей любви вселенная мала.

Бороться с этой силой слишком поздно,
она меня как пленницу взяла,

В плену я у любви. Но я довольна.
Останусь навсегда в нем добровольно.

– 14 –

Кольцо забыла у тебя случайно.
А ты вдруг рассердился и спросил:
– Раз не было колечко обручальным,
то кто тебе, зачем его дарил?

Я, не ответив, улыбнулась молча.
Да ты ревнуешь! Новость для меня.
Узнать о прошлом непременно хочешь.
Но не скажу, помучаю любя.

Ты погрустнел, не получив ответа.
Примеривать кольцо на палец стал.
«Мало», – сказал. Я лишь смеюсь на это
и говорю: – Себе его оставь!

Кольцо мое пусть больше не тревожит.
Подарком этим ревность уничтожу.

Тебя зову я солнышком моим.
Вначале ты смущался, но привык.
Тебе – двадцатый год, и ты любим.
И словно солнце твой сияет лик.

Ты ослепляешь юной красотой.
И от тебя взгляд трудно отвести.
Любуясь, восхищаюсь я тобой.
Желаю много лет тебе цвести.

Сияй, любимый, ласковым теплом.
Согрей мне душу юностью своей.
И хорошо с тобою быть вдвоем.
Но страсть от света жжет еще сильнеей.

Зову я нежно солнышком тебя.
Но солнце может сжечь и не любя.

Взяла я в руку яблоко. Оно
легло в ладонь мне плодом ароматным.
Тебе его я протянула. Но
ты отказался и вернул обратно.

Мне не хотелось есть его одной.
Плод на свои колени уронила.
Но что тебя тревожит, дорогой?
Чем взгляд твой это яблоко смутило?

Вдруг говоришь решительно: «Хочу!»
Рукой моих колен коснулся мягко.
Взял плод и улыбнулся. Я молчу,
смотрю, как ты надкусываешь мякоть.

Ах, если б страсть моя смогла на миг
стать спелым яблоком у губ твоих.

– 17 –

Цветы ты мне не даришь. Лишь однажды
принес гвоздик растрепанный букет.
Наверное, считаешь: мне не важно
внимание, как всем, раз я – поэт.

Считаешь, только женщина простая
всегда значенье придает цветам.
А я, тетрадь задумчиво листая,
парю вверх, витаю где-то там.

Но я ведь тоже женщина, любимый.
И иногда ступаю по земле.
И хочется быть просто глупой, милой
и получать букеты в дар, как все.

И где, скажи, в таком вниманье проза?
Ведь даже у любви свой символ – роза.

– 18 –

О, как бываешь холоден подчас,
как властен, как надменен и жесток!
Тогда молчу, не поднимая глаз,
и получаю новый свой урок.

И подчиняюсь властности мужской.
И как приятна слабость мне моя.
Как хорошо быть мягкой и простой
и покоряться милому любя.

Зачем души мне сложность воспевать?
Амбиции поэта – ерунда.
Я – женщина. Хочу я все отдать.
А ты – мужчина. Хочешь взять всегда.

Она и он – раба и господин.

Что ж! У любви в веках закон один.

– 19 –

Ты знаешь, мальчик, был такой – Шекспир?
Конечно, знаешь! Даже рассмеялся.
Его любовь вмещала целый мир.
И этот мир в стихах его остался.

Века любовью он завоевал.
Его душа бессмертна и велика.
А как все просто: брал перо, писал,
страдал, любил. А нам осталась – книга.

И каждый может взять ее, прочесть.
И в ней найдет из века в век все то же:
про страсть и ревность, про любовь и честь –
все то, что вечно сердце нам тревожит.

Ты спросишь, мальчик, в чем стихов секрет.
Шекспир сказал бы, что в стихах – ответ.

– 20 –

Поэту все равно: ты молод, стар.
Он видит только то, что хочет видеть.

Пока душою страстной не устал,
сомнением не может он обидеть.

Поэта сердце – вот его глаза.
Он видит суть любимых зорко, ясно.
Прекрасен облик твой – поэт сказал.
И ты в веках останешься прекрасным.

Когда же станешь старым и седым,
то вновь в который раз тебя сонеты
легко вернут в мир этот молодым
в строке давно ушедшего поэта.

Когда я говорю, не спорь со мной.
Я вижу, как прекрасен облик твой.

– 21 –

Глаза грустят, тебя не видя долго.
Улыбка с губ опущенных бежит.
Разлука колет в сердце, как иголка.
Зачем же боль такая мне, скажи?

Скажи, любимый, почему так редко
встречаемся с тобою мы сейчас?
Моя душа тоскует птицей в клетке.

Хожу весь день, не поднимая глаз.

Стараюсь скрыть от всех печаль разлуки.

И больно мне: тебя со мною нет.

Не выдержав, беру тетрадку в руки.

Пишу тебе еще один сонет.

Я больше на вопрос не жду ответа.

Без этой боли не было б сонета.

– 22 –

Мне кажется, что ты совсем не знаешь,
что значит – настоящая любовь.

Ты с девушками в чувства лишь играешь,
чтобы быстрее бежала в жилах кровь.

Ты поцелуи даришь им беспечно,
ведь юность так щедра и горяча.

И думаешь, что страсть пылает вечно,
и что она в основе всех начал.

Но знаешь, мальчик, страсть сгорит так быстро,
оставит пепел в сердце у тебя.

А ты в любви не видишь больше смысла.

Ее ругаешь, так и не любя.

Разочарован вновь. Ты просто молод.
Страсть без любви приносит, знай, лишь холод.

– 23 –

Сказал ты: «С первым снегом поздравляю!»
Я слышу твой веселый, звонкий смех.
Тебя зима пока что забавляет
и радует пушистый первый снег.

И не страшат метели и морозы,
и не печалит зимний сон земли.
От стужи ярче юных щечек розы,
задорней смех, быстрее огонь в крови.

А мне зима одну лишь грусть приносит.
Всегда бледна, покойна маска сна.
И как к зиме подходит близко осень,
так от нее бежит вперед весна.

Я – осень. Ты – весна. И ты – в начале.
А я в конце. Зима меня печалит.

– 24 –

Я посадила зернышко любви,
оберегала маленький росток,
чтоб незаметным вырос меж людьми,
чтоб поломать его никто не смог.

Любовь росла, укрытая от глаз,
вдали от злых бесчувственных сердец.
А я ждала, храня. И пробил час,
она бутоном стала наконец.

Твой взгляд, как солнце, озарил бутон.
Я не успела скрыть его, спасти.
От ласки взгляда вдруг раскрылся он.
И начала моя любовь цвести.

Цветок мой для тебя, для одного.
Будь осторожней, не сломай его.

– 25 –

Тебя возьму я за руку, и мы
пойдем в страну с названием Любовь.
И будем в ней мы оба влюблены,
оставим здесь тоску, печаль и боль.

И мы забудем все пути назад,

заблудимся в волшебной той стране.
Не отрывая друг от друга взгляд,
в ней пропадем мы, счастливы вполне.

И там ничто не сможет помешать
любить без меры и любимым быть.
И раскрываясь, сможет там душа
другой душе сокровища дарить.

Пойдем же, милый, отведу тебя
туда, где будем счастливы, любя.

– 26 –

Сто тысяч раз сказала я: люблю.
А может, больше. Я ведь не считала.
И вновь тебе признание повторю.
Моей любви все кажется, что мало.

Любовь меня заставит повторять
одно и то же, каждый раз все то же.
Люблю, люблю – услышишь ты опять,
ведь чувство замолчать мое не может.

Ведь говоря все те же вновь слова,
любовь свое отстаивает право.

В признаниях бесчисленных жива,
она стремится с Вечностью быть равной.

Три слова эти были до меня.
И будут после: я люблю тебя.

– 27 –

Едва проснувшись, вспоминаю утром
твои глаза, любимый, облик твой.
От этих мыслей оторваться трудно,
как от мечты прекрасной и живой.

Я днем проблемы разные решаю
и устаю от этой суеты.
Но вспоминать дела мне не мешают.
И в мыслях у меня один лишь ты.

Приходит ночь, приносит сна картины.
Я погружаюсь мягко в забытье.
И вижу вновь во сне тебя, любимый.
И имя снова я шепчу твое.

Любовь все время утверждает: здесь ты.
Не расстанусь с тобой, хоть мы не вместе.

Я надеваю новый свой наряд
лишь для того, чтоб ты, любимый мой,
на мне остановил свой ясный взгляд,
и чтоб невольно восхитился мной.

Чтобы сказал: «Ах, как ты хороша!
Нет лучше, обойди хоть целый свет».
И чтоб твоя суровая душа
вдруг поняла, в чем красоты секрет.

Оделась я к лицу лишь для тебя.
И посмотри, как взгляд сияет мой,
как улыбаюсь, радостью горя,
как хорошею рядом я с тобой.

Не в новом платье красоты секрет –
в моей любви. Наряда краше нет.

И кажется, что все сказала я.
Язык любви становится бессильным.
Но чувство все сильнее жжет меня.
Душа горит огнем неугасимым.

И я молчу, не зная как сказать,
как выразить все то, что мной владеет.
Ты удивлен? Я подниму глаза.
Пусть взгляд все скажет, раз язык немеет.

Поэт во мне замолк и оробел.
Но не ищу для музыки наказания.
Мой взгляд без слов все выразить сумел.
И ты легко читаешь в нем признание.

Зачем же столько создано стихов?
Любовь во взгляде говорит без слов.

– 30 –

Смотрю в твои глаза, не отрываясь.
Скажу тебе опять: «Как ты красив!»
Но ты вдруг засмущаешься, теряясь.
Взгляд отведешь, ресницы опустив.

Твои ресницы – шелковые стрелы.
Они так восхитительно длинны.
То дрогнут, опускаясь вниз несмело,
прикрыв глаза бездонной глубины.

То вверх взметнется, ты посмотришь быстро.
В тени ресниц загадочен твой взгляд.
Они темнеют мягко и пушисто,
и словно шелк коричневый блестят.

Твое оружие – шелковые стрелы.
Как ранят душу мне они умело!

– 31 –

Любовь закрыла мне глаза повязкой.
Ее хотела я мгновенно снять,
но вдруг увидела твой образ ясно.
Он в темноте, как солнце, стал сиять.

И все заполнил светом лучезарным.
Весь мир исчез за яркой пеленой.
Я осознала истину внезапно:
что ты мой мир – небесный и земной,

что ты, придя, заполнил все собою,
и я не вижу больше никого,
и от любви я стала вдруг слепую,
и что прозреть мне будет нелегко.

Но слепота любви – моя отрада.

Живу тобою. Большого не надо.

– 32 –

Условно все на этом свете, милый.
Тебя намного старше я. Ну что ж!
Поэт и Муза – мы неотделимы.
И нас с тобой уже не разведешь.

Ведь я – любовь. И я пишу сонеты.
Тобой дышит каждая строка.
Твои в них юность, красота воспеты,
прославлены поэтом на века.

Когда-то станешь старым и угрюмым.
Откроешь книгу, перечтешь сонет.
Вновь встретишься с моей любовью юной.
А ведь меня давно на свете нет.

Но снова вместе мы. И кто старше?
Я для тебя в стихах лишь молодею.

– 33 –

На самом деле все мои сонеты
составлены всего из пары слов.

Скажу тебе об этом по секрету.
Ты, как никто, понять меня готов.

Я напишу: «Глаза грустят, не видя...»
Смысл этих слов в одном: люблю тебя.
Я напишу, как ты меня обидел.
Но все равно читай: люблю тебя.

Я сочиню о яблоке и страсти.
Но в каждой строчке вновь: тебя люблю.
Мои сонеты прочитал не раз ты.
И видишь сам: все то же говорю.

Любовь словами разными шифрую.
Но смысл всегда один: тебя люблю я.

– 34 –

Я часто вижу странную картину:
твое лицо как будто в рамке льда.
И изморозью, словно паутиной,
покрыты щеки, губы, гладкость лба.

Ресницы вниз опущены устало.
На темных кудрях иней серебрит.
И роза в этой мертвой стуже ало

у бледных губ твоих огнем горит.

Ты поднимаешь влажные ресницы.

Вдыхаешь алой розы аромат.

И лед вдруг тает. И, смеясь, искрится,
как лучик солнца, твой оживший взгляд.

Меня виденье странное тревожит.

Но душу отогреть любовь лишь может.

– 35 –

Судьба, когда расплатишься со мной?

И дашь мне все, чего давно лишала:
при жизни славу, деньги, дом, покой.
Как много ты поэту задолжала!

Считаешь, мне не нужно ничего.

Блага земные мне стихи заменят.

Богатство дара, слова моего
дороже всех других богатств на свете.

И, может, ты опять права, судьба.

Зачем покой мне, слава и признание?

Зачем богатой жизни суета?

Нет для поэта хуже наказанья!

Пусть будет все, как есть, я не ропщу.
И лишь любви потерю не прощу.

– 36 –

В разлуке нашей нет вины ничьей.
Но без тебя, любимый, умираю.
Как гаснет день без солнечных лучей,
так без тебя я быстро угасаю.

Как засыпает намертво бутон
во мраке ночи, не дождавшись света,
так без тебя душа впадает в сон.
и этим сном, как саваном, одета.

Одна любовь по-прежнему жива.
Она как лучик маленький надежды.
И тихо шепчет: не переживай!
Вернется солнце, засияет нежно.

Вернулось солнце, ясен небосвод.
Но неизбежен вновь ночи приход.

– 37 –

«Разочаруешься во мне ты скоро...»
Ты утверждаешь так не в первый раз.
Я не хочу бессмысленного спора,
и кое-что скажу тебе про нас.

Как может птица вольная, летая,
вдруг захотеть покинуть высоту?
Как может роза, свежая, живая,
от ласки солнца скрыться в темноту?

Как может ветер, быстрый и свободный,
простор оставить, прекратив полет?
Как может ночь блеск звездный и холодный
вдруг погасить, очистив небосвод?

Разочаруюсь я? Ни на мгновенье!
Останешься всегда ты – вдохновеньем.

– 38 –

Что может быть прекрасней света звезд?
Они сияют мягко и волшебно.
Секрет их красоты манящей прост:
они недостижимы совершенно.

Их превозносят много сотен лет.

Им посвящают песни и сонеты.
Их красота, загадка, нежный свет
бесчисленно в поэзии воспеты.

И ночью вновь какой-нибудь поэт
не спит, мечтая, долго смотрит в небо.
И звезд далеких серебристый свет
летит к нему, подсказывая тему.

И я мечтаю, глядя в небеса.
Прекрасней звезд любимого глаза.

– 39 –

Заря так нежно небо подсветила.
Румянец щек твоих еще нежней.
Вот показалось ясное светило.
Но взгляд твой ярче солнечных лучей.

Вот серебрит волной вода речная.
Но как блестит кудрей твоих волна!
Закрыли солнце тучи, тень бросая.
Но от ресниц твоих тень так длинна.

Сквозь облака пробился лучик света.
Твоя улыбка ясная светлей.

Вдруг понеслись легко порывы ветра.
Но шаг твой юный легче и быстрей.

Поэт с природой нынче снова в споре.
Любовь, скажи, кто верх одержит в споре?

– 40 –

«Цвет губ твоих, как сок малины спелой...»
Как я устала, милый, без тебя!
Пишу тебе сегодня я несмело.
Тоска мне душу выела, губя.

«Твои глаза сияют словно звезды...»
И хочется их снова воспевать.
Но для меня, наверно, слишком поздно
взгляд по ночам на звезды поднимать.

«Каштановые пряди...» Что же это?
Закончить свой сонет я не могу.
Тоска сильнее усталого поэта.
И у нее душа моя в долгу.

Прости, любовь! Я без него тоскую.
И свой сонет закончить не рискую.

Твоя мне благодарность не нужна.
Взгляд в небо. Видишь: бабочка летает.
И как она красива, как нежна!
Душа поэта, восхищаясь, тает.

И за блокнот хватается рука.
Душа на миг мечтою овладела.
Спешит словами записать пока,
как бабочка, она не улетела.

Вот так, мой друг, рождаются стихи.
Для них закон всегда один и тот же:
лишь красотой вдохновлены они.
И кто кого благодарить тут должен?

Ты – вдохновение, а я – поэт.
Удачней сочетанья в мире нет.

Сегодня ты печален, мой родной.
Ты посмотри, как быстро облака
закрыли небо темной пеленой.
Так и твои глаза темнит тоска.

И не видна в них солнечность души.
Твой взгляд померк, как пасмурный денек.
Мне не достичь сияющих вершин.
Со мною рядом ты, но как далек!

Но ведь душа поэта так чутка.
Твою печаль она себе берет.
Вот и мои глаза темнит тоска.
И лишь любовь в душе чего-то ждет.

За облаками солнце не видно.
Но ведь оно сияет все равно.

– 43 –

Любовь моя, как легкая пушинка.
И кажется, подую – улетит.
А иногда, как хрупкая снежинка,
в ладони тает и слезой блеснит.

А иногда, как ветер быстрый, свежий,
моих ресниц коснется холодком.
Или, проснувшись утром, безмятежно
в глаза заглянет розовым цветком.

Иль обожжет внезапно словно пламя,
когда его заденешь вдруг рукой.
Но иногда, как будто тяжкий камень,
придавит душу смертную тоской.

И потому любовь свой лик меняет,
что твою душу верно понимает.

– 44 –

Как воину нужней всего война,
так и твоей любви важней сраженье.
Когда обидою полна она,
то, наступая, мстит за униженье.

Она не будет плакать и вздыхать,
обидеть постарается скорее.
За боль похожей болью наказать.
Удар ответный нанести сильнее.

И празднует победу второпях.
Моя любовь сдается, отступает.
Перед войной испытывает страх,
слабеет, уменьшается и тает.

И кто, скажи, в сраженьи победил?

Моя любовь ушла. И ты – один.

– 45 –

Смотрю я вдаль. Не лгут мои глаза.
Они примет твоей судьбы не видят.
Но обмануть мою любовь нельзя.
Она судьбу читает как по книге.

Моя любовь все знает наперед,
и все пять чувств одной собой заменит.
И если нужно, время повернет,
когда беду нависшую заметит.

Она предвидит в будущем все зло,
и словно щит встает перед тобою.
Любимый мой, тебе всегда везло
лишь потому, что ты укрыт любовью

Послушайся ее, не прекословь.
О будущем все знает лишь любовь.

– 46 –

Сегодня я проснулась, мой любимый,
и сжала сердце странная печаль.

Предчувствием тревожащим томима,
вгляделась я в невидимую даль.

Грозят тебе неведомые беды?
А может быть, опасная болезнь?
Кого просить помочь мне: землю, небо?
Но у моей души свой ангел есть.

Хранитель мой, оставь меня. Лети же!
Ничем другим помочь я не могу.
Лети скорей, к любимому поближе.
Будь рядом с ним и отведи беду.

Остаться мне без ангела не страшно.
Любимый защищен – лишь это важно.

– 47 –

Смотрю на обезьянку в зоопарке,
и апельсин в вольер бросаю ей.
Она хватает быстро шарик яркий,
и кожуру сдирает поскорей.

Съедает мякоть плода торопливо.
Облизывает с лапок сладкий сок.
Хватает кожуру нетерпеливо

в надежде отыскать еще кусок.

Но не находит. Кожуру кидает.
И к ней теряет всякий интерес.
Печально смотрит и не понимает,
куда чудесный вкусный плод исчез.

Я иногда такой же обезьяной
на плод любви набрасываюсь рьяно.

– 48 –

Ты взял мою любовь как шар хрустальный.
Взгляд в глубину спокойно погрузил.
Проникнуть захотел в прозрачность тайны
и, как лучом, надеждой осветил.

Наполнена твоим сердечным жаром,
любовь зажглась и вспыхнула, слепя.
Ты испугался солнечного жала,
проникновенья жгучего огня.

Разбил любовь мгновенно на осколки.
И прочь ушел, прикрыв глаза рукой.
О совершённом думал ты недолго,
стремясь вернуть утраченный покой.

Свободен вновь. Идешь своей дорогой.
Но впрямь огня любви другой не трогай!

– 49 –

Не правда ли, играть всегда приятно?
Давай и мы с тобой играть в любовь!
Брать клятвы, возвращать легко обратно,
и меж собой вести шуточный бой.

Давай вздыхать, писать друг другу письма,
и поверять все тайны, все мечты,
делиться каждой стоящею мыслью,
и, разлучаясь, тосковать почти.

И ревновать, устраивая сцены,
и утопать в нешуточных слезах,
и повторять друг другу, что бесценна
одна любовь, горящая в сердцах.

Давай играть! Быть может, за игрою
ты увлечешься не на шутку мною.

– 50 –

Все тот же задаешь, мой друг, вопрос:
Поэт... в чем суть? И в чем от всех отличие?
Мне кажется, ответ предельно прост –
весь строй души поэта необычен.

Послушай быль. Представь: июньский сад.
проходят люди медленно, гуляя.
Сидит старуха, вниз опущен взгляд,
с безмолвной скорбью просит подаюnya.

Прохожие бросают медяки.
Подходит вдруг мужчина, держит розу,
кладет в ладонь протянутой руки.
Цветок целует нищенка сквозь слезы.

Ты скажешь, что глупей поступка нет.
Но сделал это именно Поэт.

– 51 –

Брожу я, словно с факелом, с любовью.
Хочу зажечь погасшие сердца,
и поделиться этой яркой болью,
изъять ее, истратить до конца.

Моя любовь огромна, необъятна.
Должно хватить на всех ее огня.
Не попрошу вернуть ее обратно.
Раздам поспешно, жар души даря.

Всех оделю без счета, без разбора.
Я не могу нести ее одна.
Весь мир ее пожаром вспыхнет скоро.
Пусть в каждом сердце жжет, горит она.

Моя любовь поджечь все души сможет,
чтоб ты, холодный, загорелся тоже.

– 52 –

Ты знаешь, я богата, словно Крѣз.
Луна мне свет серебряный дает.
Могу в ладони взять алмазы звезд.
И солнце с неба золото мне льет.

Денек погожий дарит бирюзу,
ласкает взгляд трав сочных малахит,
жемчужин дождь мне сыплется в грозу,
воды хрусталь прозрачностью манит.

А сколько красок в россыпях цветов!
И даже в мертвых листья, наконец.
Весь мир отдать сокровища готов.
Раскрыт природы сказочный ларец.

Сокровищ много. Но всего ценней
улыбки свет безоблачной твоей.

– 53 –

«Ты переходишь всякие границы!..»
Сказал серьезно ты, а мне смешно.
Смотри, мой мальчик, в небе кружат птицы.
И есть границы, нет – им все равно.

Послушай – ветер весело гуляет.
Как обуздать, унять его, скажи?
Свободен он, где хочет там летает.
Попробуй-ка, его ты удержи!

А вот и дождь с небес к земле стремится.
Попробуй, прекрати его поток.
Он переходит всякие границы.
И кажется, весь мир уже промок.

Свобода для стихии органична.

Зачем любовь ты хочешь ограничить?

– 54 –

Одни запреты и одни соблазны –
вот то, что между нами навсегда.
И чувство может быть опасно-разным.
Но ты мне никогда не скажешь: да.

А я любовью в плен взята навечно.
Любить, любить – до гробовой доски.
Тебе же – забавляться лишь беспечно
и избегать в неведеньи тоски.

И что за сила нас свела с тобою?
Смеется, верно, вечность надо мной,
раз одарила мир такой любовью –
несбыточной, запретной и земной.

И в наших отношениях непреложно:
запреты только мне, тебе – все можно.

– 55 –

С протянутой рукой прошу любви.
Вымаливаю, вверх смотря, у неба.

Прошу, склоняясь низко, у земли.
И даже – робко – у порывов ветра.

У солнца я прошу и у луны.
И нищенкой брожу меж звезд я ночью.
К любому обращаю я мольбы.
А вдруг помочь мне кто-нибудь захочет?

И знаю: бесконечен этот путь.
Не для себя прошу, а для другого.
Пока люблю, душе не отдохнуть.
И я иду за милостыней снова.

Прошу я одного: твоей любви.
А Вечность подает мне лишь стихи.

– 56 –

Легко возьму в ладони шар земной.
Спокойно подниму, держу, не брошу.
Он кажется пушинкою сквозной.
Он невесом. Да разве это ноша?

Пожалуй, всю вселенную возьму.
Взвалю на печи облаком объемным.
Усталости не чувствую, несу.

Согнись лишь чуть под ношей неподъемной.

И что еще взвалить бы на себя?

Да есть ли тяжесть, что мне не по силам?

Ведь я навечно влюблена в тебя.

И давит этот гнет невыносимо.

И лишь любовь нести нет больше сил.

Ведь ты ее со мной не разделил.

– 57 –

Ты выслушай меня! Не поднимай
надменно бровь, не опускай ресницы.

Ты думаешь, прошел давно мой май
и осени весна всего лишь снится?

Ты думаешь, что возраст – это крест,
который все несут, терпя, вздыхая,
что пропадает к жизни интерес
и словно дремлют души, отдыхая?

Но знаешь, мальчик, все это не так.

Что значит возраст? Ведь душа бессмертна.

И срок земной – всего лишь миг в веках.

А боль все та же: любящего сердца.

И так же души любят и грустят,
Хоть шесть им лет земных, хоть шестьдесят.

– 58 –

Моя любовь как белые цветы.
Ее тебе под ноги я бросаю.
И по цветам идешь спокойно ты.
А я в слезах остатки собираю.

И лепестками выстелю твой путь,
Пока цветы другие подрастают.
Но не спешишь под ноги ты взглянуть.
Идешь легко, шаг юный убыстряя.

Любовь опять цветением полна.
И я венки чудесные сплетаю.
Но ты ко мне склонить не хочешь лба.
И вновь цветы на землю я кидаю.

Моей любви не хочешь замечать,
Ведь позволяю я ее топтать.

– 59 –

Ты юный, стильный, и идут тебе
косуха, джинсы, черная футболка,
тату, бандана, плеер на ремне.
И водишь ты свою машину ловко.

Компьютер любишь и тяжелый рок,
и поразвлекешься весело с друзьями.
Но странно, облик несколько не тот
вдруг иногда встает перед глазами.

Да, кудри те же, ... тот же ясный взор.
Но с черной шляпы вниз перо свисает,
ботфорты, шпоры, бархатный камзол,
и шпагу плащ спадающий скрывает.

И те же губы, но слова не те.
Всегда лишь роза красная в руке.

– 60 –

К тебе обращены слова мои.
Читай их, перечитывай опять.
Нежны, правдивы, искренни они.
Слова моей любви не могут лгать.

Пишу тебе и только для тебя.

Прочтет, конечно, кто-нибудь другой.
Но все неважно! Только бы меня
услышал ты, услышал голос мой.

И чтоб любовь, которой тесен мир,
но в самый раз мой маленький сонет,
к тебе влетела в душу, мой кумир,
и в ней зажгла любви ответной свет.

Читай стихи. В них в каждом слове – я.
И все слова написаны любя...

Солнце любви

– 1 –

Окупись в это Солнце Любви!
Как глаза у влюбленных лучисты,
как сияют, искрятся они.
И как мир ослепительно чистым
наполняется счастьем. И свет
льет на них золотую лавину.
Даже время, замедлив свой бег,
от влюбленных отходит. И длинной,
длинной солнечною полосой
день и ночь им ложатся под ноги,

устилая им путь красотой.

И для них никогда не заходит
солнце, вечное Солнце Любви...

– 2 –

Ты так стремишься в пламя этих глаз,

но улыбнешься чуточку лукаво,

ресницы опуская. Взгляд погас.

И мальчик смотрит грустно и устало.

Отбросив прядь волнистую со лба,

он отвернется от тебя... Украдкой

через плечо посмотрит. И мольба

мелькнет в глазах. А ты, играя прядкой,

на палец крутишь волосы свои,

и смотришь в книгу равнодушным взглядом.

Игра все длится... Кто из вас двоих

не выдержал? И вот вы снова рядом.

И поцелуй так быстр! Волна волос

его, твоих смешалась блеском шелка.

И замер на губах его вопрос,

и карий взгляд настойчиво и долго

скользит в глаза твои, в их серый свет.

И пауза молчания все длится...

Но вот вопрос опять. А ты в ответ

лишь опускаешь длинные ресницы...

Побеги быстрые из почвы тянутся,
стремятся к солнцу, вверх, где горячей.
Вьюнков бутоны плотные румянятся,
согреты лаской, золотом лучей.
А жизнь торопится, и с силой страстною
питает соком, солнцем каждый лист,
и лепестки подсвечивает краскою.
И вот бутоны, скрученные вниз,
вдруг развернутся чашами. Развитием
вберут в себя всю неба красоту,
весь жар любви и солнца. И раскрытые,
лучисто в свет, вернут в мир красоту.

Дверь вдруг раскрылась... И я вижу:
у мальчика глаза
закрыты... и лицо все ниже
склоняется, ... сползла
прядь темная с плеча волнисто.
И девочка рукой
ее назад убрала быстро,
прижалась вмиг щекой

к его щеке. И оглянулась.

Улыбка так легка.

Шепчу: «Простите! Распахнулась
вдруг дверь от сквозняка...»

– 5 –

Два бутона склонились друг к другу.

Солнце гладило нежно цветы.

Стебельки, отгибаясь упруго,

длили паузу. Вдруг с высоты

налетел быстрый ветер, беснуясь,

заскользил вдоль бутонов. Они,

покачнувшись, друг друга коснулись...

Поцелуи цветов так легки...

– 6 –

Со лба назад откинув волосы,

ты смотришь вдаль, в мечту.

И словно солнечные полосы

упали в темноту.

И словно солнечные искорки

осыпали тебя.

И бьется сердце так неистово

в такт мыслям, ведь твоя

мечта сидит и смотрит ласково.
И серые глаза
так манят ясной нежной сказкою.
И хочешь ей сказать,
еще раз те слова заветные,
сказать как в первый раз.
Но смотришь вдаль... И тайна светлая
туманит солнце глаз.

– 7 –

Вдруг отвернулись. Мальчик хмурит брови,
у девочки глаза темнит печаль.
Молчат обиженно, уже не споря,
скрывая слезы. Мальчик смотрит вдаль
невидяще, надул капризно губы.
Не выдержал и искоса взглянул
на девочку. Любовь – всегда причуды.
Она вдруг улыбнулась. Он вздохнул
и отвернулся быстро. Пряди нервно
со лба назад откинул. Бархат глаз
стал очень темным. Встал, простился первым,
сказав печально: «Покидаю вас...»
Закрылись двери. Стало тихо, пусто.
И девочка сидит одна в углу.
А мальчик вышел в ночь. Идет и грустно

все повторяет в такт шагам: «Люблю!»

– 8 –

Ты где то далеко вдруг обернулся.
Ресницы тихо дрогнули, глаза
раскрылись удивленно, улыбнулся
чуть неуверенно, и что-то вслух сказал.
И замолчал. Румянец яркой краской
прилил к твоим щекам. Рукою прядь
с лица отбросил, но упрямой лаской
она скользнула по виску опять
прикосновением еле слышным, нежно.
Ты улыбнулся, оглянулся вновь,
как будто зов услышал. И поспешно
глаза закрыл, недоуменно бровь
чуть приподнял, застыл... Ведь ты не знаешь,
что поцелуй издали – ожог.
Ты так смущен, и ты не понимаешь,
что поцелуй ее коснуться смог
через пространство губ твоих и щек...

– 9 –

Как улыбнулся мальчик кареглазый!
Движение ресниц, как крыльев взмах

двух черных бабочек, вспорхнувших разом.
И загорелись солнышки в глазах.
Порозовели щеки, снежно зубы
блеснули между ярких алых губ.
Мир заискрился, словно солнце чудом
ворвалась в нашу комнату. И вдруг
все осветило золотым сияньем,
упало мальчику в глаза, на прядь
волос блестящих, вьющихся, касаньем
скользнуло по щеке его. Играть,
переливаясь, стало в сером взгляде
у девочки, стремящейся к огню.
Как мальчик улыбнулся ей! И рядом
вмиг оказались.... Двери затворю.

– 10 –

Когда их нет, то солнце словно
уходит в облака,
и день мне кажется условным,
надуманным. Тоска
туманит мысли. Вечный вечер
темнит мой тихий дом.
И пустоту заполнить нечем,
и верится с трудом,
что где-то день от солнца светел.

И странная тоска
мне шепчет, шепчет, что на свете
все было так всегда.
Но вот они вернулись! Счастье
вмиг заполняет дом,
и день врывается искрящий.
И верится с трудом,
что мысли мне туманил вечер
всего лишь час назад...
И с ними я смеюсь беспечно,
и солнце бьет в глаза.

Юная любовь

Твои глаза – улыбка васильков,
густая синева и ясность взгляда,
изысканная красота тонов,
небесная полдневная отрада.

Ты смотришь – словно даришь чистоту.
Так васильки, в траве синевя густо,
нам дарят неба нежность, глубину,
и радуются солнцу безыскусно.

Они неприхотливы и скромны.
Твой взгляд лишен лукавого притворства.

Он свеж и чист, как синие цветы.
Ты смотришь прямо, откровенно, просто.

Тепло, легко от света твоих глаз.
Они, как небо летом, безмятежны.
В них чистая, как васильки, душа
сияет мне загадочно и нежно...

Твои глаза, когда ты хочешь плакать,
как синие прозрачные озера
до краешек наполненные влагой,
хотят сдержать непрошенные слезы.

Ресницы опустились, ты не хочешь,
чтоб кто-то подсмотрел твой взгляд печальный.
Ты жалости и ласки не попросишь,
в себе замкнешься, уходя в молчанье.

Не прячь глаза, когда ты хочешь плакать.
Они – как летний дождь перед рассветом.
Их синева чуть пасмурна, прохладна.
Но затяжным дождь не бывает летом.

Печаль и грусть прольются со слезами.
И пусть твоя тоска уйдет не сразу,

ты улыбнись ей синими глазами.
Она исчезнет, и вернется радость

Я все еще люблю тебя. Как странно!..
Сбитые листья летят беспрестанно.
Ливень безжалостно хлещет по веткам.
Стоим под зонтом, обнимаемы ветром.
Вода льет и льет, листья с веток сбивая,
деревья для смены одежд раздевая.
Упали на зонт твой янтарные листья,
на шелке намокшем бессильно повисли.
Лежат на плечах твоих русые пряди.
Как водная пыль, на них капельки влаги.
Откинул ты прядку со лба вбок рукою,
листочек прилипший скользнул под ладонью.
Ты сбросил листок и потрянул волосами.
Желтел он на черной земле под ногами.
Стояли с тобою мы, зонтики сдвинув,
молчали, боясь оправданий избитых.
Летела листва, навсегда угасая,
и дождь колотил по ней, в землю вбивая.
Нахмурился ты, посмотрел быстро в небо,
рукою провел по заплаканной ветке.
Последний листочек на ней оставался.
Как желтый флажок, на ветру он метался.

Ты взял меня за руку, глянул печально.
В глазах твоих таяла синяя тайна.
– Конец неизбежен, – я тихо сказала, –
закончилось лето, и осень настала.
...Сбитые листья летят беспрестанно.
Но я еще люблю тебя. Как странно...

Меня расстроил твой сон,
роковой и ужасный.
Но не сбудется он!
Не тревожься напрасно.
Все покойно в ночи,
в мире все неизменно...
Поскорее усни,
все забыв, безмятежно.
Пусть приснится тебе
сад в цвету белом яблонь,
лепестки на земле,
словно снег в мае падал.
Ты лежишь в лепестках,
аромат снежно-свежий...
Закрываешь глаза,
солнце греет так нежно.
По лицу тень скользит,
яблонь цвет облетает,

словно белый ковер
всю траву укрывает...
Пусть приснится тебе
новый сон, ясный, светлый -
ты в саду на траве
спишь покойно, как в детстве...

Цветок цикория тебе я протянула,
ярчайше синий, как твои глаза.
Его ты взял. Смотрел устало, хмуро.
В твоих руках – лазурная звезда.

Вдруг улыбнулся, и печаль пропала.
Сложились пальцы, словно лепестки.
На тонком стебельке звезда сияла.
Твои глаза синели как цветы.

Задумчиво, загадочно смотрел ты.
Тон глаз твоих – точь в точь как у цветка.
Тебе сказать об этом я хотела.
Но ты спросил: «Зачем же сорвала?»

Я правильно мозаику сложила,
добавив синий цвет твоим глазам.
И красотой радость углубила,

для этого цветок я сорвала...

Синим цветом – глаза,
черным цветом – ресницы.
Я рисую тебя
на раскрытой странице.

Я портрет твой пишу,
но словами, не кистью.
Я тебе расскажу,
как красив в моих мыслях.

Сочетанье цветов
подобрала природа,
и тебе все дано,
несомненно, от бога!

Ум, душа, красота,
гармонично сплетаясь,
отличают тебя.
Ты несешь людям радость.

Ты – как солнечный луч,
теплый, яркий и нежный.
Он блеснет из-за туч,

и вернет мне надежду.

Ты и я – мы такие разные,
и в основном и в мелочах.
Но я для тебя всегда радость,
а ты для меня – печаль.

Дарит тебе ощущение радости
неубывающая моя любовь.
Не замечаешь ты этой малости,
а я влюбляюсь вновь и вновь.

Чем сильнее люблю – тем грустнее.
Сжимается сердце от тоски.
Боюсь разлуки, боюсь потери.
Царапает душу осколок мечты.

Хочу с тобою не разлучаться
никогда в этой жизни и ни в той!
Ни разу больше с тобой не прощаться.
Пусть навечно печаль, но навечно – со мной!

Как хочется поцеловать тебя!
сказать: «Люблю» и повторить чуть тише.

Как хочется, смотря в твои глаза,
ответное признание услышать.

Как хочется коснуться милых рук,
почувствовать тепло твоих ладоней,
и нежность мягких бархатистых губ,
и шелк волос струящихся волною.

Как хочется коснуться! Но нельзя...
Нельзя рукой дотронуться до неба
и снять звезду, иль с белого цветка
скатить росинку, чтобы уцелела.

Нельзя погладить розовый рассвет,
поцеловать зарю, тумана кудри...
И требовать у Красоты ответ
и ждать, надеясь: может быть, полюбит?

Нельзя касаться. Красота чиста,
чиста и как природа беззащитна.
Дотронешься, пусть бережно, любя,
проходит время – и она погибла.

Я не нарушу твой покой. Уйду.
Ты – совершенство, как сама Природа.
Не прикоснусь, ведь я тебя люблю,

поэтому дарю тебе – свободу!

Вечер сумрачно и зыбко
отдалил твои черты,
утаил твою улыбку
под накидкой темноты,
затуманил легкой тенью
твои яркие глаза,
зачернил без сожаленья
краски светлые лица.
Вечер отнял милый облик,
растворив его во тьме.
Но звучит прощальный оклик,
словно эхо в тишине.
Твой звенящий чистый голос -
птицей быстрою сквозь мглу.
И летит, трепещет слово,
возвращается: люблю!
Ты уходишь. И все глуше
полустертый звук шагов.
Вечер, тайное подслушав,
опасаясь звона слов,
полумраком укрывает
твой неясный силуэт,
растворяя, разлучает...

Замирает мой ответ.
Тихо, грустно, одиноко...
И шепчу я в темноту,
догоняюще в далёко,
запоздавшее: люблю...

Обними меня, ветер, покрепче,
поиграй завитками волос,
пошепчи. Может, станет полегче,
может быть, мне не стоит всерьёз
принимать это странное чувство:
не любовь, а скорее печаль.
От него мне и смутно и грустно,
тяжело.... Но расстаться с ним жаль!
Уведи меня ветер из дома,
на просторы дорог позови,
в перекрестках путей незнакомых
я забуду с тобой о любви.
Я забуду мое невезенье,
ожиданий напрасных тоску,
я забуду обиды, сомненья,
от всего, от себя убегу!
Мой дружочек, мой ласковый ветер,
унеси мою боль далеко.
Знаю: ты мне останешься верен,

знаю: будет с тобою легко.
Ты мне высушишь слезы. И нежно
напевая, утетишь без слов,
принесешь восхитительно свежий
аромат всех цветущих садов.
Поцелуешь тихонько украдкой,
чуть скользнув холодком по щеке,
разовьешь непослушные прядки,
прикоснешься прохладой к руке.
И обняв, все печали развеешь,
уведешь с перекрестка судьбы.
Я с тобою забыть все сумею –
вольный ветер не знает любви.

Погубить?.. Касаньем легким губ,
глубиной и ласковостью взгляда,
словом, сжатым как дыханье: «Люб!»
и другими быстрыми: «Не надо...»,
сладким, терпким запахом духов,
холодком задевшей лоб перчатки,
теплотой щекочущих мехов,
блеском светлой выбившейся прядки
из-под шляпки... Милый мальчик, брось!
Ну зачем тебе тоска пустая?
Мы как опыт с молодостью – врозь.

Уходи, пока я отпускаю...

Не прикрывай глаза рукой.
Печаль легка, но давит душу.
Твой юный солнечный покой
она подточит и разрушит.

Она не стоит этих слез.
Губительно их злое жженье.
Не принимай обид всерьез.
Сотрет их след твое прощенье.

Прости судьбе. Она права!
Ведь жизнь – несчетные ошибки.
Твоя печаль, как дым, легка,
растает от одной улыбки.

Не прикрывай глаза рукой.
Ведь все пройдет, как жизнь проходит.
Со временем утихнет боль,
и радость сердце успокоит.

Сквозь слезы улыбнись судьбе.
Грустить и хмуриться не надо.
Запомни истину: душе

любая боль всегда во благо.

Твой поцелуй, как ласка лепестка,
прильнувшего на миг случайно к коже.
И сердце сжала смутная тоска,
так на любовь обманчиво похожа.
Печаль вдруг затуманила глаза.
Прикосновение губ твоих так живо
напомнило, что сотню лет назад
все это с нами – без сомненья – было!
Все это было.... Взмах ресниц твоих,
и ясность глаз, застенчивых и нежных,
и мир, что создан лишь для нас двоих,
и шорох слов, из века в век все тех же,
и тишина темнеющего дня,
скольжение губ и взглядов.... Как опасно
спать сотню лет, забыв любовь, тебя...
И вдруг проснуться от случайной ласки...

Не бойся! Я не потревожу
твоих опущенных ресниц.
И если я была моложе,
твой взгляд – я знаю – был бы строже...
Мой мальчик, в небе стаи птиц

кружат...

Осенние заботы

всегда чуть тягостны, увы.

Трудны последние полеты.

Взгляд подними. Не плачь же! Что ты...

И будь по-прежнему на «вы».

Глаза отводишь.... Как знакомы

мне эта нежность, эта грусть.

Вопрос твой тихим вздохом: «Кто мы?»

– Мужчина женщина...

И пусть!

Забиться! Милый, как люблю я

твои печальные глаза, их юный свет...

Как я тоскую! И если б можно, то целую

твои ресницы.... Нет! Нельзя!

Нельзя ответить даже взглядом
на влажный взмах твоих ресниц.

Ты так влюблен. Когда я рядом,
то словно сильным жгучим ядом

отравлен ты. Склоняясь ниц
без сил, без воли, лишь с мольбою:
любви, любви, любви, любви...

Как хочется забыть с тобою
о жизни. Давний спор с судьбою
решить. Сказать себе: люби!

Легко похитить эту нежность...

Нет,... нет! Уйти. Я не коснусь
ни сном, ни мыслью.... Яркость, свежесть
и неба майского безбрежность –
тебе, мой мальчик. Мне лишь – грусть...

Ах, какие нежные, нежные глаза...
Словно виноградная оплела лоза.
Тянется, цепляется хрупким стебельком,
мягко завивается вкрадчивым ростком.
В осень мою темную – яркий летний жар,
сердцу утомленному – несказанный дар.
Вмиг душа опутана нежностью твоей,
словно бы окутана дымкой летних дней,
словно бы напоена соками земли,
словно бы наполнена сладостью любви.
Взгляд твой оплетается солнечной лозой...
Значит, так сбывается сон последний мой...

Лицом к лицу стоим. Я знаю тайну,
которую так хочешь ты узнать.
И глаз твоих пытлиное страданье
укором – в душу мне.... Замру: сказать?..

Ресницы опущу, и взгляд свой спрячу,

ведь взгляд так часто говорит без слов.
И даже век движенье что-то значит,
и выдать тайну каждый жест готов.

Стою недвижно. Голова все ниже,
лицо непроницаемо, как смерть.
Но странно, всё глаза твои я вижу,
хотя не смею в них сейчас смотреть.

О, что за гнет! Как тяжело давит тайна,
как сердце бьется молотом в груди!
И вот слова, почти уже слетая,
готовы все раскрыть. Но нет! Уйди...

Не стой вот так: недвижно, молча, прямо.
Легко уйди! Мне нечего сказать.
Любовь, молчи! И губы сжав упрямо,
замкну в себе, что хочешь ты так знать...

Ты прикоснулся – и все изменилось!
Ветер поднялся и тучи угнал,
странно слеза моя зазолотилась,
солнце – в глаза мне. И мир засверкал!
Тысячи, тысячи ярких пылинок,
солнечных бликов, искр и кругов.

И – ослепительной быстрой лавиной
счастье меня затопило. Без слов,
без сожаления и без раздумья
радостно брошусь в его глубину.
И про себя рассмеявшись, сомкну я
веки и губы. И в свет уплыву.
Зазолотились рассыпчато мысли...
О, ослепительный сказочный миг!
Ты лишь коснулся – и солнечной высью
вниз опрокинул к ногам моим – мир.

Ты ворвался шумно в двери,
улыбнулся, как весна.
За окном вдруг враз запели
звонко птицы. И стена
дома словно растворилась...
Задрожала дымкой даль
и лучами осветилась...
Над тобою будто шаль
золотая, в искрах света
опустилась, расплелась.
И капель прозрачно где-то
зазвучала. И клубясь,
облака в зрачках поплыли.
Я тону в них, я тону...

Столько счастья! Мы открыли
двери в солнце и весну.
Улыбаешься лучисто...
А на прядях у тебя
бисер влаги: тает быстро
снег пушистый декабря.

Хочешь, коснусь губами?
Только нельзя, пойми!
Знаешь, что между нами?
Ночи – с чужими, дни...

Знаешь, что разделяет?
Сотни и сотни зим.
Взгляд твой лукавый знает,
сколькими ты любим.

Кудри твои лишь ветер
только трепал?.. А вдруг?
Что же ты не ответил,
сколько их, этих рук?

Рук, что тебя касались...
Впрочем, не тороплю.
Не отвечай! Останусь.

Ты лишь шепни: люблю...

Красивый и капризный...

Девчонка, берегись!

Всегда несут сюрпризы

такие даль и высь,

такие перепады

от смеха до тоски,

от «можно» до «не надо»,

от грусти до «прости».

Всегда приносят слезы

такие вот глаза,

печально и серьезно

умеют все сказать,

умеют улыбнуться,

как луч из темноты,

и, потемнев, замкнуться

на время.... Ну а ты

уже влюбилась сильно,

уже летишь к огню...

Капризный и красивый.

А ты твердишь: люблю...

В мае – только маяться!

Ветер будто пьян.
Меж цветов шатается,
шаловлив и рьян.

Воздух словно пенится
запахом цветов,
ароматом стелется
в рое лепестков.

Небо улыбается,
синевой дразня.
В мае только маяться...
Ты смеешься зря!

Говоришь: «Наверное,
все сошли с ума.
И поэты – первыми.
Вот она, весна!»

И зачем ты дразнишься?
Взгляд не опускай.
Как с любовью справишься,
раз колдует май?

Не спрашивай! Я не скажу: понятно?..

Капризен ты, как малое дитя.

Как времени крутнуть мне круг обратно,
стать юной, так же вредничать грубя?

На нежность лишь дерзить тебе в отместку,
и обижать, как будто невзначай,
высмеивать серьезное ни к месту,
и говорить печально вдруг: «Прощай!»

И улыбаться снова безмятежно,
и словом милым сглаживать углы,
то рассмешить, то нагрубить небрежно,
и все списать на правила игры...

Капризной стать легко. Но что же будет?
Ведь двойников своих никто не любит!

Твой взгляд – как ветер! Он неуловим.
Скользнет в глаза мне, тут же убегает,
и вновь вернется чуточку другим,
затихнет, остановится, растает...

Постичь его я не могу, увы.
Он так пуглив, изменчив, но прекрасен.
А иногда напористо опасен,

как буйный шквал грохочущей грозы.

Слежу за ним. Он вдруг покойно чист,
невозмутим и даже равнодушен,
но через миг стремителен, искрист,
летит в глаза мне, проникает в душу...

Мне нельзя тебя любить... Мне – нельзя!
Если б можно все забыть! Но дразня
душу зовом злой тоски, пламя жжет.
Не унять его, прости! Как ожог
пламя глаз твоих.... И я вспыхну вновь...
Жар внутри! Но не сгорает любовь...

Моей тоске звериной сотня лет,
а может быть, и тысяча – не знаю!
И глаз твоих печальный тихий свет
я между стольких лиц вновь угадаю.
И в веренице лет, веков и снов
я снова обернусь к тебе, любимый.
Я снова подойду, и взгляд мой вновь
в твоих глазах утонет, губы: «милый,
единственный» прошепчут. И века
промчатся мимо. Лишь любовь, как искра,

все так же будет вспыхивать, пока
в мои глаза твой взгляд летит лучисто.
И наши пальцы встретятся и вновь
переплетутся. И тоска растает.
Единственный! Сквозь сотни лет любовь
найдет тебя... чтобы опять оставить....

Пусть солнце твой путь выстилает!
Иди золотою дорогой.
Пусть блеска, огня будет много.
А тень за спиной пропадает.

Цветы пусть ложатся под ноги,
в лицо веет ласковый ветер,
и яблонь склоняются ветви,
плоды опуская в ладони.

Пусть птицы поют над тобою,
а небо всегда будет чистым,
а день каждый ясным, лучистым,
и сказка ночей – золотою.

Иди! И куда б ни свернул ты,
пусть солнце льет свет бесконечно.
А темный и пасмурный вечер

печалит другие глаза.

Пусть путь не покажется трудным.
Любовь моя солнцем извечным
сиять тебе будет навстречу.
И ты не вернешься назад.

Мой голубь, русою волною
спадают волосы твои,
глаза эмалью голубою
сияют матово. Они
светлы по-детски, но печальны,
с тоской, клубящейся на дне,
где тают слезы... Мой молчальник
измученный, доверься мне!
Доверься... В нежные ладони
приди. Бесплотною рукой
я проведу, коснувшись боли,
она рассеется. Пыльцой
уляжется, струясь, на землю.
Тоска увядшим лепестком
вслед полетит скользящей тенью.
Засыплю я ее песком
воспоминаний... Ты свободен!
И для тебя – цветущий май.

Раскрою легкие ладони:
мой голубь милый, улетай...

Ты поднимаешь взгляд. И звезды вниз
летят, чтобы успеть и отразиться
в бездонной сини глаз. И тень ресниц
неровными лучами разбежится
по розовым щекам. Улыбки свет,
как солнца луч, затмит свет звезд, сияя.
Глаза – как небо в полдень. Ночи нет!
Ты словно солнце. Темень высветляя,
своею лучезарной красотой
идешь по миру, милый ангел мой...

Короткий роман

Бог, разделив, соединил нас вновь.
И сердце шепчет глупое: навечно!
Я жду тебя, как чуда, каждый вечер.
И верю в чудо! Ведь мой бог – Любовь.

Ну обмани же! И скажи: всегда!
И я поверю. Так хочу поверить!
Подумал: «Нет». Но вслух скажи мне: – Да!

Могу любовь лишь этим «да» измерить...

Я думала: ты – юный бог,
сошедший в душу мне с небес.
Но боль такую в сердце мог
вонзить лишь старый мудрый бес...

Моей любви так много для тебя!
Она волной бежит неудержимой.
И давит, давит на тебя с нажимом
и, подхватив, уносит – от меня...

Сегодня хочется лишь роз,
изысканных и ярко-алых.
Но... чтобы ты цветы принес!
Иначе роз мне будет мало.

Дверь распахну тебе навстречу.
И солнце ясное – с тобой!
И ясным стал туманный вечер,
а ночи оправдаться нечем –
рассвет струится голубой,

и день в мой дом вошел с тобой.
Я, дверь захлопнув, отсеку
спешащую к порогу тьму...

Люблю тебя! Но отвернусь.
Сдержу порыв любви безмерной.
Учусь быть сдержанной, примерной.
Но душу вдруг туманит грусть...

«Люблю» – как много разных слов
в себя вмещает это слово.
Ты повторять его готов,
а я хочу услышать снова.
Но иногда твои глаза
так говорят красноречиво,
что больше не нужны слова.
Все ясно сказано. Молчим мы...

Не будем ссориться! Ведь сор
обидных слов летит как пули.
И наш с тобой ненужный спор –
лишь меткие уколы боли...

Пишу тебе: моя любовь.
Скажу тебе: любовь моя.
Подумаю: моя любовь
сильнее жизни и меня...

Ты так красив! Я говорю
все, что увидели глаза.
Но я в молчании храню,
что словом высказать нельзя,
что видит лишь душа моя...

Ты – волшебство, моя страна.
В ней пропадаю, уходя
от жизни. И теряю я
себя. Там истина – любовь,
и там возможен миф любой.
И каждый миг там я – с тобой!
Моя волшебная страна -
мечтой наполнена она...
Зачем же возвращаться – в жизнь?..

Присниться обещал мне этой ночью.

И выполнил. Как отдалась я сну!
Но утром разум, просыпаясь, хочет
лишь одного: тебя и наяву!

Ты – розовый бутон. Твой поцелуй,
как лепесток, меня коснулся нежно.
Но на стебле шипы. Как больно! Ой!
Твоя так гордость колет неизбежно.

Ты не звонишь. Мой телефон молчит...
И скоро ночь укроет город тьмой.
Где ты, любимый? Боль в виски стучит.
Как хочется услышать голос твой!
Но не звонишь... Молчит не телефон –
молчит любовь уставшая твоя.
Лишь слышу слез упавших тонкий звон -
так в темноте звенит печаль моя...

– Скучаю, милая, ... – слова близки
мне на ухо. И возле самых губ.
дыханье слышу... И цветы тоски
осыпались. Но телефон так груб,
пластмасса холодит. Но голос твой

закрывать глаза мгновенно заставляет...

И в нежности реальность я теряю,
и чувствую: ты – рядом, ты – со мной...

Небо без тебя – словно покрыто пылью.

Ах, как солнце хмурится!

Я без тебя – птица без крыльев.

Я без тебя – просто курица...

Моей тоски полет так нереально грозен,
что, кажется, весь мир укрыт тоской.

Но вот твоя любовь меня вернуться просит.

Я вниз слетаю.... Мир вновь золотой!

Я знаю: ты мужчина и суров,

и тигр в тебе на время затаился.

Но от любви моей и ласки слов

тот тигр на миг в котенка превратился.

Над головою – облака,

за облаками – звезды.

Над звездами моя тоска

все шепчет: слишком поздно.

Но не смотрю я в вышину -
там пусто и морозно.

Внизу я на земле живу
твоей любовью звездной...

Почувствовала... что? Не знаю!
Как будто бы край черного плаща
метнулся за окном.... Дверь открываю
я без звонка. И вижу, трепеща,
как ты бежишь наверх ко мне, и розы
в руках твоих короной огневой.
Твое лицо, горящее с мороза,
и черный плащ, как крылья за спиной...

Проснувшись, я глаза твои целую
и родинку...
И засыпая, губы я целую
и родинку...

Прижмусь покрепче, задержу дыханье,
привыкну к мысли: ты сейчас уйдешь.
Скажу себе: не будет расставанья –

не будет встречи. Как правдива ложь!
Зачем искать разлуке оправданье?
Останься! Но лишь слышу: «До свиданья...»

Сбегаешь быстро вниз, глаза поднял.
Я у двери стою, пытаюсь улыбнуться.
Ты исчезаешь в лестничный провал,
лишь край плаща мелькнул, и он пропал.
Не слышишь: грусть моя зовет вернуться.
Не слышишь...

Короткие гудки мне бьют в виски.
Все занято и занято... Любимый!
Ты занят? Как же мне необходимо
услышать голос твой!... Гудки резки,
и сердце бьется искрами тоски...

В моих глазах – твоей улыбки свет.
Мужчинам ясен он как слово: нет!

Ты – милый. Милые черты
узнала я, еще не видя.

Осталось лишь придумать имя.
Бес? Ангел? Но сказала: ты!
И это «ты» в себя вместило
и ангела и беса и –
вселенную моей любви.
Сказала: ты, подумав: милый...

Целуешь руку. Губ твоих огонь
ожог мне кожу. Вмиг я загораюсь.
И вот уже скользит моя ладонь
все ниже,... пальцами я родинки касаюсь...
И вот – губами....

Любовь легла тебе под ноги тропкой.
И ты идешь, не думая о том,
что путь твой, неизменный и короткий,
всегда один. И он ведет в мой дом,
где ждет моя любовь так нежно, робко...

Ну вот и снег! А ведь еще недавно
мы шли с тобой под шорохи листвы.
Скользят, кружась, снежинки сверху плавно.
На волосах твоих узор зимы.

Иду я рядом, думаю о главном:
тепло руки твоей, снег, вечер, мы...

Жизнь тягостна. Но звезды глаз твоих
сияют ясно, сказку обещая,
придуманную лишь для нас двоих.
И, засмотревшись, жизни я – прощаю...

Как много рук и губ! И все хотят.
Но отвернусь, душой на мир в обиде.
Преследуют, охотятся, следят...
Ты не узнаешь! Но любовь увидит.

Тебя засыплю лепестками роз.
Сквозь пальцы ворох огненный струится.
И алый атлас пламенем искрится
на черном шелке вьющихся волос.
Но красота сияющая роз
с твоею красотой не сравнится...

Молчу. Молчишь и ты. Но говорят
твои глаза. Мои им отвечают.

Так звезды в небе вечные горят,
их разговор безмолвный нескончаем...

Мой милый рыцарь! Меч в твоих руках -
всего лишь роза с острыми шипами.
Но странно этот меч непобедим,
легко он справляется с врагами.
И, значит, в сердце ты моем – один!

...я пальцем проведу, касаясь нежно,
по глади лба, по бархату бровей,
по векам, что закрылись безмятежно
под лаской незатейливой моей.
И губ твоих прекрасных гибкий контур
я прорисую, пальцем обведя.
Задумавшись, скользну по подбородку...
Рисую, вслед за господом, тебя,
шедевром восхищаясь, и – любя...

Блеснула сталь в твоих глазах,
как будто острый меч.
Но ничего ты не сказал...
И как мне уберечь

доверчивость души твоей,
что судит сгоряча,
доверчивость любви твоей –
от ревности меча?

Про ревность – не хочу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.